

I

НЕОРИМСКАЯ ТЕОРИЯ СВОБОДНЫХ ГОСУДАРСТВ

I

Когда в 1642 году в Англии разразилась гражданская война, идеологическую инициативу поначалу захватили противники режима Карла I. Среди парламентской оппозиции королю Генри Паркер был, вероятно, самым влиятельным из тех, кто доказывал, что «верховная юрисдикция, как в вопросах государства, так и в вопросах права», должна, по крайней мере на время чрезвычайного положения, принадлежать двум палатам парламента как представителям в конечном счете суверенного народа [(Parker) 1934: 194].¹ «Вся идея суверенитета», провозглашает Паркер в своих «Наблюдениях» в 1642 году, опирается на признание того, что «власть государей вторична и производна» [ibid.: 208, 168]. «Источником и действующей причиной [суверенитета] является народ», так что выборные представители народа имеют право «судить о публичной необходимости без короля

1 О тезисе Паркера см. [Tuck 1993: 226–233; Mendle 1995: 70–89].

и распоряжаться всем, чем угодно», когда на кону стоит свобода и безопасность народа [(Parker) 1934: 168, 211].

В ответ на защиту Паркером парламентского суверенитета роялисты немедленно возразили, что личность короля должна рассматриваться как единственный «субъект» или носитель суверенитета.² Отвергая «новомодное», по их словам, различие между «королем и его авторитетом», апологеты Карла I настаивали на том, что Бог «выразил в Писании, что и суверенитет, и лицо, облеченное суверенитетом, происходят непосредственно от Него и через Него».³ Вместе с тем ряд более осторожных парламентариев обратили свое внимание на реальные наработки Британской конституции и заключили, что абсолютный или суверенный авторитет должен принадлежать телу «короля-в-парламенте». Анонимный автор «Английской абсолютной монархии» заявлял в 1642 году, что «Король и парламент прочно объединены и образуют одну абсолютную власть» [Englands Absolute Monarchy 1642, Sig. A, 3v.], а Филип Хантон в следующем году в «Трактате о монархии» утверждал, что «суверенитет наших королей» ограничен «параллельной властью двух других сословий в парламенте» [(Hunton) 1643: 38, 39].⁴ По мере

2 О подъеме этой теории в Англии в начале XVII века см. [Sommerville 1986, esp.: 9–56]. Описание носителей суверенитета как «субъектов» суверенной власти см. в [(Parker) 1934: 210].

3 См., например, [(Maxwell) 1644: 32]. О Максвелле см. [Sanderson 1989: 48–51].

4 Об этой логике см. [Judson 1949, esp.: 397–407; Sanderson 1989: 30–32].

того как конституционный кризис⁵ углублялся, среди этих привычных доводов прозвучал новый голос, который утверждал, что истинный субъект или носитель суверенитета — это не естественная личность монарха и не политическое тело, инкорпорированное из естественных личностей, а искусственная личность *государства*. У этой доктрины были предшественники среди специалистов по римскому праву,⁶ и вскоре она была разработана некоторыми философами — теоретиками естественного права в континентальной Европе, и прежде всего Самуэлем Пуфендорфом в книге “*De Iure Naturae et Gentium*” (1672),⁷

- 5 По-моему, это не просто провал в управлении, а конституционный кризис, но см. классическое изложение более сдержанной оценки ситуации в [Elton 1974, vol. II: 164–182, 183–189]. См. [Adamo 1993] о том, как тезис Элтона разработан так называемыми историками-ревизионистами. Критику утверждений о том, что этот кризис был революционным в марксистском смысле, см. в [MacLachlan 1996, esp.: 55–63].
- 6 Государство описывается как союз, где «многие связываются в одну мощь и волю» в [Hayward 1603, Sig. B., 3v.]. О политической теории английских цивилистов см. [Levack 1973: 86–121]. О возникновении в тот же период идеи государства как абстрактной сущности, отличной и от правителей и от управляемых, см. [Skinner 1989].
- 7 Пуфендорф [Pufendorf 1672: 886 (VII.2.13)] определяет государство как «составную моральную личность, чья воля, объединенная соглашениями многих индивидов, считается волей всех» (*Persona moralis composita, cuius voluntas, ex plurium pactis implicita & unita, pro voluntate omnium habetur*). Он хвалит Гоббса за изобретательное изображение этой личности и добавляет, в духе Гоббса [ibid.: 887 (VII.2.14)], что суверенные индивиды и собрания просто выполняют волю государства (*Voluntas civitatis exserit vel per unam personam simplicem, vel per unum consilium*).

где он пишет о государстве как о составной моральной личности.⁸ В англоязычной политической теории мы не можем не связать этот ход мысли с именем Томаса Гоббса [Gierke 1960: 60–61, 139].⁹ Гоббс начал разрабатывать свои взгляды на государственный суверенитет в книге “De Cive” (1642) [Гоббс 1989: 270–507],¹⁰ окончательный вариант его позиции изложен в «Левиафане» (1651). Там можно прочесть, что государство, или республика, — это «единое лицо, ответственным за действия (автором) которого сделало себя... огромное множество людей», а «тот, кто является носителем этого лица, называется сувереном» [Гоббс 1991: 133 (гл. 17)]. Короче говоря, именно здесь мы встречаем однозначное утверждение о том, что государство — это название искусственной личности, «носителем» или представителем которой являются обладатели суверенной власти, и что их представительные действия легитимны, так как *авторизованы* их собственными подданными.

В то же время появилась влиятельная, связанная с предыдущей, доктрина об отношении между властью государства и свободой его подданных. Ее сторонники говорили, что быть свободным в качестве члена гражданской ассоциации означает попросту не быть

8 Пуфендорф использует понятие *civitas*, но когда текст был опубликован по-английски в 1703 году, переводчики передали *civitas* как *state*. См. [Pufendorf 1703: 151–152 (7.2.13–14)].

9 Ср. [Runciman 1997, esp.: 4–5].

10 Здесь и далее приводятся ссылки на канонические русские переводы Гоббса там, где они имеются в наличии. — *Примеч. перев.*

ограниченным в реализации своих способностей и преследовании желаемых целей. Одна из главных обязанностей государства заключается в том, чтобы удержать тебя от нарушения действительных прав твоих сограждан, и государство выполняет эту обязанность, налагая принудительную силу закона на всех в равной мере. Но где кончается закон, там начинается свобода. При условии, что закон не удерживает тебя от деятельности посредством физического насилия или иных форм принуждения, ты сохраняешь способность к реализации своих возможностей (*powers*) по собственному усмотрению и, соответственно, сохраняешь свою гражданскую свободу.

Эту доктрину можно обнаружить в римском праве,¹¹ с началом Гражданской войны ее подхватили многие легалистски настроенные роялисты, включая Гриффита Уильямса, Дадли Диггса, Джона Брэмхолла и, чуть позднее, сэра Роберта Филмера [Williams 1643, esp.: 82–84; (Bramhall) 1643, esp.: 70; (Digges) 1643, esp.:

11 «Дигесты» [т. I: 83 (1.1.1)] цитируют Ульпиана, в частности его точку зрения, что закон делает нас добрыми, возбуждая страх наказаний (*metu poenarum*). (Собственно, Ульпиан утверждает здесь, что «добрые» должны совершенствоваться «не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами». — *Примеч. перев.*) См. также [Дигесты, т. I: 117 (1.5.4)], где цитируется положение Флорентина: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом» (*Libertas est naturalis facultas eius quod cuique facere libet nisi si quid vi aut prohibetur*).

14; Filmer 1991, esp.: 267–268].¹² Но опять же, с особой ясностью этот тезис представлен в «Левиафане». Гоббс представляет свою позицию очень просто и потому сильно — он утверждает, что даже принудительная сила закона оставляет твою естественную свободу нетронутой. «Как правило, все действия, совершаемые людьми в государствах из *страха* перед законом, являются действиями, от которых совершающие их имеют свободу воздержаться» [Гоббс 1991: 164 (гл. 21)]. Эта парадоксальная доктрина объясняется тем, что Гоббс, как материалист и детерминист, считал, что единственной реальностью является движущаяся материя.¹³ Свобода человека состоит, следовательно, ни в чем ином как в том, что его тело не сдерживается в своей деятельности в соответствии с его возможностями (*powers*). «Свободный человек — тот, кому ничто не препятствует делать желаемое, поскольку он по своим физическим и умственным способностям в состоянии это сделать» [там же: 163]. Когда мы говорим о ком-то, что он действовал свободно, это значит, что он совершил то действие, которое хотел совершить, и что он сделал это в отсутствие внешнего побуждения или препятствия. Когда, напротив, мы говорим о ком-то, что у него отсутствует свобода действовать в том или ином направлении, это значит, что действие, находящееся

12 Похожие аргументы использовались для того, чтобы доказать, что, несмотря на кажущееся подчинение, жены не являются несвободными. См. [Sommerville 1995: 79–113].

13 Об этой посылке и о ее роли в учении Гоббса о воле см. [Gauthier 1969: 5–13].